Будто бы какой-то священный артефакт, ехидна взяла сие орудие в руки - и сразу же ощутила его вес... И всё это... всё это должно было оказаться в ней. По возможности - до последней капли. Вспучить ей животик, чтобы потом, с огромным на это риском, превратиться в ещё большую массу, ибо она действительно могла понести от коня... и произвести на свет здорового, жизнеспособного жеребёнка. При рождении весящего больше, чем она сама, раза так в два... И, проклятье, этот риск только лишь сильнее одурманивал мозг в желании сделать это!

А ведь она хотела сделать перерыв... Честно хотела, но упустить такую возможность было невозможно - ибо она в таком случае не будет собой, если струсит! И при этом не сделает всё ещё "интереснее", потому что прокажённый мозг её был горазд на выдумки тогда, когда это было не нужно.

- Э-эй... Никифий, а Никифий... А подойди сюда...

Парень выглядел жалко, но с коровьим послушанием подошёл к ней и встал сбоку, чтобы хозяйка указала ему на шприц и скомандовала:

- В-возьми его! - Голос её дрогнул, а лицо не было очень уж властным - напротив, видно было, что она сама чувствовала себя очень неловко и жутко краснела, но... но не могла она иначе!

А он взял шприц. И следом ему скомандовали вынуть из него "эту штуку" - то есть, поршень. И Никифий, хоть и не знал зачем, не задал ни вопроса. И послушно его вынул, сочно утягивая за ним и вешая через край несколько длинных, тягучих нитей.

Некрасиво громкий глоток донёсся из горла дамианки, когда носа её коснулся этот запах... Такой грязный, мерзкий - и в то же время желанный! Настолько, что её хлопковое бельё, ещё сопротивляющееся сыреющей киске, стало стремительно тяжелеть, и даже тёплый, едва ощутимый ветерок вызывал желание поёжиться. Она могла просто выпить это... Да, облившись, и всё такое - но этого было бы достаточно для того, чтобы унять своё дурное порочное либидо без риска. И без нарушения обещаний... И всё же - нет. Тяжело дыша открытым ртом, меж влажными губами которого тянулись линии липкой слюны, она взглянула на полуорка задурманенными глазами и, пару раз стукнув от волнения зубками, повелела:

- Сними свои станы...

А на этой команде он уже основательно залип. И хотя не в его это было манере - задумываться над тем, стоит ли делать то, что ему говорят, вместо того чтобы беспрекословно исполнять - он не стал их снимать... Закрутил головой и замычал, будто понимал, что хочет сделать хозяйка, только вот Шаос могла и сама это сделать - и вяло, чуть не падая при этом, вцепилась своими лапками за его пояс, чтобы повиснуть на нём и тем самым спустить его брюки вниз, обнажая его разляпистый, баклажаново-зелёный писюн. Сама она также благополучно сползла на пол, садясь в этой странной, то ли лягашачьей, то ли собачьей позе.

- Я не знаю, что вы делаете, хозяйка, но не надо этого делать...

- Всё будет хоосо, Никифий... Не беспокойся... - Глядя лишь одним глазом, произнесла полуполурослица и привстала на коленях, чтобы взять его за руки, в которых он удерживал шприц за упоры, и склонить их ниже. До тех пор, пока не заставила долговязого парня всего скрючиться, лишь бы конец его оказался направлен прямо в стеклянную ёмкость... - П-потейпи, твоя хозяйка сейтяс всё сделает...

И её тёплые, мягкие лапки соскользнули с его рук, чтобы кольцом сжаться у корня его члена и плавно опуститься вдоль него, до самой головки, за несколько же секунд выдаивая из него увесистый шлепок вязкой жидкости - и она с плеском упала вниз, в уже находящееся там конское семя...

Шаос сглотнула. И с кряхтением, пока веки у неё выдавливали из глаз лишнюю жидкость, задрала платьице и стала неуклюже стягивать бельё - розовенькое, но с большим тёмным пятном между ног. И это она специально, перед тем, как отложить его в сторону, взяла его изнутри за резинку и расправила его перед полуорком, чтобы показать то, какая же она грязная девка.

- А тепей вейни эту, ну... с-стуку на место, и... - Девушка сделала глубокий вдох - и в этот самый момент дыхание у неё перехватило и всё её тело свело до истомы приятной судорогой - так, что она легла на спину и, упираясь в землю пятками, чуть выгнула бёдра, невольно демонстрируя дрожащему юноше ещё и свою пухленькую киску - насчёт того, что в некоторых местах она была уже туга так же, как и всегда - она не соврала. - Х-хехе... Хе... Ну тево ты так медленно? Хозяйка твоя узэ контить сумела, пока ты там воскался!

И она, лёжа перед ним в задранном платье, с раскинутыми ногами и густо красными щеками, протянула к нему руки.

Шприц не сразу, а с испытываемым со стороны мужчины сомнением в правильности этого поступка, оказался в её горячих пальцах... да тут же и выскользнул, падая ей вдоль всего тела - он был огромен... И скоро его содержимое должно было оказаться внутри неё. Так что девушка, не сводя с Никифия прищуренных от стыда глаз, с этим полуб*ядским выражением лица, взяла носик шприца в рот и хорошенько, до блеска его обслюнявила...

Ах, этот странный, мускусный вкус. Густой, насыщенный и дурманящий... И Шаос не выдержала, чтобы не повозиться, пытаясь надавить на поршень коленкой, и не выдавить ещё хоть немножко этой белой гадости, неровным сгустком лёгшей на её розовенький язычок.

С улыбкой и всё так же неотрывно глядя на застывшего с открытым ртом парня - она это проглотила. И по телу новой волной разлилось это приятное тепло. Сердце колотилось, но это не было как-то особенно неприятно, а из гортани вырвалась тихое, едва уловимое кряхтения.

Она могла бы унести его к себе в комнату. Чтобы потом, лёжа с ним в обнимку, прямо в кровати, всю ночь тянуть из него конское... конское и не только семя. Чтобы не пропало ни капли... Но всё же - нет. И она, мотнув головой, чтобы отогнать от себя эту слабость, перехватила сосуд другим концом и приставила его к своей пухленькой, плотно сжатой киске.

- Э-эй, Никиф... Готов стать папой?..

Пока орочий отпрыск что-то там мычал, девушка надавила на шприц, погружая... пытаясь погрузить его в себя - но если носик легко вошёл внутрь, то сам корпус имел чётко выраженную ступеньку и был слишком широк, из-за чего оказался встречен слишком тугой, противящейся проникновению плотью. Нужно было попробовать чуть наклонить его, чтобы... он проникал гранью, а не всей плоскостью, и тогда...

Руки соскользнули по стеклу - и она выронила его, прямо на устилающую доски солому.

- Х-хехе!.. Какая твоя хозяйка неуклюзая, Никифий!.. Х-хе...

Парень стоял на месте, но сложно было сказать, что неподвижно - он дрожал. Дрожал всем телом, а губы немо открывались и закрывались, будто он хотел, но не мог то-то сказать.

Ехидна снова взяла инструмент в свои маленькие лапки - и, покачивая им вверх и вниз, этой почти прямоугольной стеклянной гранью, кое-как смогла найти положение, в котором киска её стала приоткрывать, обнажая внутри себя розовые и сочащиеся влагой стенки...

- Д-да как зэ вы... К-ка зэ вы в меня в-всё это... з-запихиваете!.. - Пыхтя, произнесла она.

И, не переставая выгибать поясницу, задирать свои широкие бёдра, чтобы найти для удерживаемого обеими руками шприца наиболее подходящее положение, Лиза опять надавила на него. Чуточку резче и грубее, чтобы он точно, точно проник в!..

Он проскочил... А она... а она, откинувшись на спину, уронила голову на пол и чрез стон медленно и глубоко вздохнула...

- П...пволез... - И подняла вверх дрожащую руку, показывая мотающему головой Никифию два пальца. Известно в каком жесте - своём любимом.

Теперь же, когда волна этого... ну, удовольствия улеглась, оставив только боль от перенатянутой плоти, Шаос, не поднимая головы и даже глаз не открывая, опять взяла шприц в руки и старательно, исключительно на ощупь стала искать правильное положение, чтобы... чтобы надавить ещё сильнее... П-пока носик не... не ткнул её в край кервикса - промазала!

- А-ай!.. - Пискнула она. Нужно было его трошечку поровнять, чтобы... хоботок оказался направлен прямо в... ещё... капельку, и...

Влажные руки скользили по стеклу особенно сильно, но это же относилось и к стенкам её влагалища. И пусть не с первой попытки, пусть и слегка помучавшись - она ввела его ещё глубже, пока носик не попал в эту её плотно сжатую дырочку и... и, раздвинув её - не проник внутрь, напрямую соединяя содержимое шприца с её растянутой, ещё не пришедшей в форму

после недавних родов маткой.

- Г-готово... - Хотелось вытереть лоб - но руки были заняты. - Никифий! Я-я состыковалась, хехе!.. Тепей...

Теперь дело оставалось за малым - надавить на поршень. И лишиться последнего шанса передумать...

Н-нет, она не должна понести. Её организм же восстановился ещё не полностью... Наверняка пронесёт! Главное - чтобы вытекло там поскорее. Так шанс на то, что она не залетит, будет гораздо выше... А шанс понести от Никифия - так вообще минимален! А то будет некрасиво забеременеть от него, не спросив хотя бы разрешения... Н-но сегодня точно пронесёт!

Или, может быть, всё-таки не надо?..

Шаос поняла, что уже около половины минуты лежала неподвижно, только тяжело дыша и смотря на пенящийся столб семени, подпираемый стеклянным поршнем. Было страшно... И тогда она подняла взгляд на парня:

- Никиф... А Никифий... А ты хотес, стобы Саос... Шаос опять стала мамой?.. От коня, или, ну... от тебя? Ты хотел бы сделать своей хозяйке лебёнотька, а?.. П-плосто назми...

Пусть он решит её судьбу, сказала себе Шаос - и виновато соскалила зубки.

- Наступи... - Повторила дамианка - и отвела взгляд от уткнувшегося в ладони лицом парня. Он вёл себя конечно же странно, мотал башкой, мычал, но... но это же Никифий - он всегда ведёт себя странно?.. И пискнула громче, сама же стискивая веки!.. - Наступи!..

И он повиновался. Его пыльный ботинок лёг на поршень, с силой надавливая на него сверху - и уровень белёсой жидкости сдвинулся, стал стремительно понижаться вдоль делений, пока животик ехидны, напротив, набухал прямо на глазах...

Шаос заскулила. Долго и протяжно, ещё и с громким стуком роняя голову на дощатый пол - он сделал это... сделал! А значит, она... Она... теперь...

Стон сорвался с её губ, когда стеклянная втулка ударилась о корпус, а вся конструкция болезненно нажала на неё изнутри - однако же, не проскочила дальше. И остановилась.

Всё... Вообще, теперь всё, как говорится - всё. И она - в том числе, тоже - всё. В смысле, кончила. Возможно, что со своей судьбой и совестью тоже.

Её растянутая матка охотно приняла в себя литр конского, вперемешку с полуорочьим,

семени. И теперь, глядя на это - на пустую стеклянную оболочку и на своё пузико - ещё растянутое и мешковатое после росших в нём яиц и младенцев, но теперь - вновь упругое и округлившееся.

- Х-хехе... - Нервно улыбнулась Шаос - и показала скрючившемуся на полу орку сразу две пары указательных и средних пальцев.

Но у самой её испуганно дрожащие зрачки так и не сходили с пузика - она сделала это. И теперь, п-пока не стало слишком поздно, пока метка на её животе оставалась бледно-розовой, нужно было извлечь его. И чтобы семя вышло из неё... Чтобы как можно больше, чтобы оно под давлением не омывало её яичники!.. И ногами, не только глупо, но и в какой-то мере даже мило ими суча, пока руки влажно скользили по стеклу, она стала извлекать из себя орудие для осеменения. И выходило оно охотно, на удивление легко - фиг ли, если всё её тело так и пыталось от него избавиться!

Стеклянный сосуд со стуком упал на пол - Шаос почувствовала этот расходящийся по доскам удар. И теперь она официально вступила в гонку между своим чрезмерно плодовитым, украшенным бледной розовой стигмой животиком и густым конским семенем. Чем же всё закончится? Станет ли она мамой до того, как оно успеет выйти из неё? Или в этот раз всё же пронесёт?

Это так волнительно... Только не подведи, удача! Пожалуйста!

Но когда лазурноволосая с придыханием привстала на локтях, чтобы воочию лицезреть натекающую под ней лужу и всё ещё бледненький символ на животе - то с ужасом увидела, что семя тянулось из её красной, растянутой киски крайне неохотно, одной лишь какой-то сонной, унылой соплёй... Никифию же открывался куда более интересный вид - в конце её растянутой тупым и толстым предметом трубы он видел кольцо её матки - сжатое слишком плотно из-за того, что носик, в отличие от самого шприца, был узок и потому не растянул его. И как из этого розового органа еле тянулась густая жидкость цвета перламутра. Оставаясь почти неподвижной...

Семя было внутри её матки как в ловушке - ей не разбили кервикс, как это обычно происходит во время соития. А в-ведь даже и упругости, которая бы его оттуда выдавливала, внутри Шаос сейчас тоже не было! И ей стало страшно - так, что зубки её опять невольно застучали друг о друга, а волосы мгновенно прилипли в влажной коже. Ибо она хотела сделать грязь, но... но беременеть от коня честно не собиралась! Она этого не хотела! Не сейчас уж точно... Они же слишком большие!..

Лапка её легла на живот - на ощупь, очень похожий на подушку. И надавила... Слегка... Настолько слегка, что это вызвало даже обратный эффект - совсем не разбираясь в деталях, её организм решил, что содержимое её матки ценно и ещё не готово покинуть её, и потому воспротивился этому, заставив кервикс сжаться ещё плотнее, полностью "перерубая" тянущуюся из него белую соплю.

Девушка заскребла ногами, замотала головой - почти как Никифий чуть ранее.

- Э-эй, эй... Оно, к-как-то не вытекает... - Ощущая влажный жар на шее, совсем невесело отшутилась девушка. - Не вытекает...

Надавить двумя руками? Перевернуться на живот, встать на четвереньки и плюхнуть на него? Использовать шприц... для откачки?..

Шаос лежала, приложив пальцы к губам - несмотря на то, что слюна уже парой капель стекала по её подбородку - будто бы пересыхающим. Из-за чего она их нервно облизывала...

Ч-что ей делать? Что ей делать?.. Пожалуйста, она не хотела беременеть от коня... Это через чур!

Но сделать ничего иного, как просто смотреть, она не могла - и продолжала пялиться. На свою широко раздвинутую киску и пухленький животик, на украшающую его низ стигму... Бледно розовую стигму... Бледно розовую...

И она всё смотрела... Всё смотрела и смотрела, пока душа внутри неё металась от безысходности, а сердце неровно, ниспадающими и нарастающими ритмами колотилось.

Она понесёт... она понесёт... она понесёт...

От коня. Или от Никифия. Или от обоих. Возможно - и не по одному ребёнку от каждого. Она не сможет ходить, она будет с трудом дышать, ей будет хотеться есть... Ужасно сильно...

- Не надо... П-позалуста... Не сейтяс, я-я... плосу, только не сегодня... Я не хотю, не хотю... Я буду хоосэй, послусной ехидной... Только позалуста, пусть я не забееме... не забеемененю... У-умо... умоляю...

Семя занимало каждый уголок её матки - каждую свободную впадинку, каждую складочку. И с давлением окружало её яичники, омывало их, сжимало... Пропитывало... И каждую секунду, каждый такт времени имелся шанс, что один из этих головастиков сольётся с одной из её яйцеклеток... А она только и могла, что ждать, с замиранием смотря на то, как... как...

Как от центрального "сердца" внутри, метка на её животе стала приобретать более насыщенный цвет - и слабо засветилась.

Шаос уронила голову и выдохнула...

Стало быть - теперь уже точно всё. Дура она, что тут поделать... А ведь обещала... Думала, ну вот всё - начнёт жить по уму!.. Нет...

Хотелось просто заплакать. Может быть - даже начать бить в живот руками и что-то кричать. Например, проклинать судьбу за то, что не наделила её силой воли и умом.

Но этого было бы недостаточно. Чувство обиды на своё тело, которое не отозвалось на её мольбы, было слишком сильно, так что дамианка, надув красные от возмущения щёки и сурово прищурив обильно слезящиеся глаза, перевернулась на живот и с тяжёлым сопением встала. Чтобы нетвёрдой походкой направиться к одному из занятых стойл.

Она будет мстить. Самой себе мстить! Для чего девушка перелезла через бревенчатую калитку и развернулась к непонимающе смотрящему на неё коню задом... И конечно, что с таким ростом она не могла с ним "переспать", максимум - отсосать... Да только что говорилось про ум Шаос? В ненужные ситуации он работает у неё слишком хорошо. И она стала по этой калитке карабкаться, пока не встала ногами на предпоследнюю жердь, а руками не схватилась за самую верхнюю.

- Давай! Лазолви эту глупую ехидну! Она - плохая ехидна! - С обидой крикнула девушка. И, глядя себе за плечо, оттопырила попку, как можно шире раздвигая перед конём ноги - так, что морде его предстала её розовая, всё ещё не сошедшаяся после шприца киска и откинутый на сторону хвост.

И-и конечно же, он не должен был ей ничего сделать. Она знала, что была в безопасности!.. Как бы, положение тела у неё было такое, что коню просто негде было бы встать, чтобы к ней подобраться... Ведь она не собиралась всерьёз отдаваться коню - ей просто хотелось отомстить своему глупому телу, хорошенько так его напугав!..

До животного же наконец-то дошло, что это такое перед ним было и что это самое перед ним, кажется, могло быть им оплодотворено. Так что он начал проявлять беспокойство, вилять по сторонам мордой, стучать копытами и громко фыркать. Кобылка была странная - но подходящая!

- Смотъи, Никифий! Какая у тебя глупая хозяйка! И как её сейтяс полвут!

Не порвёт же... В смысле, не порвал бы в любом случае, н-но он же даже не сможет попробовать это сделать! Не в этом же положении...

С громким храпом, конь вздыбился на задние ноги, подскочил в такой позе поближе к изрядно перепугавшейся, но всё равно верящей в свою безнаказанность Шаос - и с грохотом упёрся передними копытами в балку у самого потолка.

И огромный, почти метровый член, оканчивающийся плоской и слегка пупырчатой по краям короны головкой, вторгся в её тело. Что девушка, с широкими от замешательства, но ещё не от боли глазами в очередной раз поняла то, насколько же она глупая. И неудачливая... Он всё-таки смог!..

А потом накатила и боль. Снова внутри неё что-то хрустнуло, суставы её напряглись, ноги - разъехались, и она, до слёз на щеках зажмурившись, прочувствовала, как вздыбилась плоть на её груди, прямо меж сосков, по форме этой странной головки, и... и её начало перекидывать через ограду, чтобы она в неведомо какой позе свалилась на другую сторону... И пусть она упадёт, пусть рискует даже что-нибудь сломать или вывихнуть, но там он хотя бы не сможет её поиметь!..

Однако же в последний момент её плечей что-то коснулось - и с ужасом она увидела Никифия, который удержал её своими жилистыми руками, не дав свалиться!

- Н... Н-нет!.. - Скрипя зубками, сказала Шаос, и уже не просто до слёз, а до боли стиснула веки.

С хрустом разных там хрящей и связок, конь двинулся, вонзаясь в её тело ещё глубже - так, что холм на её груди превратился в наглядно выпирающую шишку, и... И ещё глубже! Дальше, чтобы она выперла ещё на десяток сантиметров! Что девушка, пялясь перед собой сузившимися до двух точек подёргивающимися зрачками, выгнулась дугою, высоко задрав свою влажную от слёз и искажённую болью мордашку. Это было невозможно терпеть! Это было... через чур!.. Она не могла!.. Не!..

И будто бы поняв её мысли, конь вошёл ещё глубже - зачем же кого-то обманывать, если всё она на самом деле могла? И с мокрым чавканьем, под аккомпанемент из хрустящих связок и хрящиков, начал совершать полноценные фрикции, что Шаос от избытка чувств скрючило уже в другую сторону. Конь долбил её короткое полуросличье тело, до самого корня вгоняя в него свой толстенный метровый член. Длинным бугром проходил от натянутой промежности и вдоль всего её торса, давил на её рёбра и выходил за его пределы, раз за разом, с каждым новым, последующим толчком выпячивая плоть на её груди на добрых пару десятков сантиметров, прямо в направлении её лица. Что она... что она могла, потянись чуть-чуть язычком в сторону этой шишки, просто взять и лизнуть её!.. Коснуться им своей мягкой, бархатистой кожи. Слегка солоноватой и туго натянутой, под которой туда и сюда сновало что-то твёрдое и инородное.

Мысли её плавились и вместе со слюной текли на свободу. Но при этом одна мысль в её голове стояла-таки ясно и чётко: она склонна к двойням и тройням. Большее от одного партнёра - уже редкость. Но если этих партнёров несколько за раз, то... то каждый из них имеет свой независимый шанс прорастить в ней своё семя.

А значит, если он в неё кончит - то ей сильно повезёт, если их будет всего двое.

- Х... Хотес, стобы С-сао... п-понесла... и от... - Дёргаясь в каждый такт с выпирающим на её груди бугром, то скуля, то кряхтя, а то стискивая от боли зубы и шипя, в каком-то полубреду забубнила полукровка. - ...от тебя?.. Х... хотес... тозэ стать папой?.. С-стобы Саос лодила двух!.. Или тъёх!.. С-слазу!..

С губ Шаос сорвался милый и слишком нежный для той, чьё тело уничтожало конское бревно,

стон. На фоне глубоких фрикций, тело её в очередной раз подёрнулось мелкой, приятной дрожью - и она снова замерла на какое-то время с безвольно качающейся головой, лишь роняя изо рта, с розового её висящего язычка, обильную и слегка пузырящуюся слюну. Пока конь продолжал... Делая амплитуду шире, а движения - медленнее и отрывистее.

- Ка... какой ты эго... э-эголи... э-го... - Животное приближалось к этой точке - дамианка это понимала. И сейчас должно было произойти самое страшное... Поэтому она, стиснув зубы и нахмурив милый носик, кое-как успела пискнуть: - Л-ладно! Саос согла!.. Согласна стать мамой твоих!.. Твоих де!..

И он надул её. Сделал её большой и круглой - такой, как будто бы она уже несла в себе дитя. Сперва образовал пузырь на самом конце своей до упора всунутой головки - а потом растёкся им вниз, шире, округляя её животик от самой груди так, что пузико её, с вывернутым наружу пупком тяжело провисло под несколькими литрами горячего, липкого конского семени, и продолжил долбить до тех пор, пока конец у него не стал мягким и податливым... И при очередном тычке он просто не смог преодолеть сопротивление её кервикса, изогнулся у основания - и, утягивая за собой матку ехидны, вышел из неё с тягучей соплёй, открыв тем самым проход для целого водопада, вырвавшегося из бедняжки-Шаос. Хорошей, но довольно невезучей ехидны.

Сама же она, лишившись упора сзади, сперва повисла на жердях - а потом и безвольно сползла вниз, ложась на землю тёплым и мягким мешком...

Каждый из трёх партнёров имел шанс оплодотворить хотя бы одну из её яйцеклеток...

Что она наделала?..

http://erolate.com/book/412/36551